

— Этот вопрос я не знаю, — подумал Шан Сижуй, понимая, что это самая сокровенная тайна Цзюлана, и даже если бы он знал, то не стал бы рассказывать. Потом за карточным столом это станет поводом для шуток, и репутация Цзюлана пострадает!

— Министр Цзинь возвращается, мне нужно готовиться к выступлению!

Чэн Фэнтай схватил Шан Сижую за рукав и не отпускал, а в этот момент министр Цзинь действительно вернулся, прихрамывая. Шан Сижуй, нервничая, резко встал, но сценический костюм, который он носил, был далеко не таким качественным, как те, что он шил сам. Материал оказался непрочным, и отделка на рукаве разорвалась в руках Чэн Фэнтая.

— Эр-е! Посмотрите, что вы наделали! Это же чужой костюм!

Чэн Фэнтай не успел ничего сказать, как молодой лицедей вырвал оторванную отделку из его рук и с досадой убежал. Фань Лянь хлопнул по подлокотнику и расхохотался:

— Шурин, вы еще не успели разделить персик, а уже порвали рукав!

Чэн Фэнтай фыркнул:

— Что за чепуха!

В душе он тоже чувствовал себя немного неловко.

Министр Цзинь, прихрамывая, наконец добрался до своего места, сел и с облегчением вздохнул:

— Лянь-гэ, чему ты так радуешься? Сегодня ты, кажется, самый веселый.

Фань Лянь перестал смеяться, кашлянул и с серьезным видом уставился на сцену.

Прошел Новый год, магазины открылись, и театральные труппы начали новый сезон. В конце года отчеты из поселения Фань нужно было проверить и переписать лично главе семьи. Фань Лянь, увлеченный развлечениями, отложил это дело в сторону, и теперь, когда сроки поджимали, он каждый день проводил с калькулятором в руках, полностью погруженный в работу. Только Чэн Фэнтай продолжал бездельничать, как будто праздники еще не закончились, и делал это с чистой совестью, никому не позволяя себя беспокоить. Однако, поскольку Фань Лянь был занят, у Чэн Фэнтая не было компании для его выходок, и он, скучая, бродил по друзьям, где однажды посмотрел спектакль. Он не разобрался в театре, но это напомнило ему о Шан Сижую. Молодой лицедей на сцене даже голосом не мог сравниться с Шан Сижуюем, да и внешне был не так привлекателен. Вспомнив, как он порвал рукав Шан Сижуюя, он подумал, что они не виделись уже несколько недель. Неужели лицедей затаил обиду? Решив пригласить его развеяться и заодно извиниться, он отправился к нему. Шан Сижуй был простодушным и веселым парнем, который легко поддавался на шутки, что делало его очень милым.

Сейчас Шан Сижуй в основном выступал в Большом театре Цинфэн, так как любил вносить изменения в постановки, а театр был более современным и охотно принимал его нововведения. Даже если что-то шло не так, здесь не бросали чайники с кипятком, да и сцена была высокой и далекой, так что бросить что-то крупное на нее было сложно, что делало его выступления более безопасными.

Большой театр Цинфэн представлял собой западное здание в стиле башни с часами, с темным переулком, ведущим прямо к гримеркам за кулисами. Когда-то Чэн Фэнтай был знаком с актрисой, и тогда он хорошо изучил устройство театра. Теперь он и Шан Сижуй были достаточно близки, чтобы обходиться без формальностей. Попросив водителя, Старину Гэ, остановить машину у главного входа, он сам прошел через темный переулок, чтобы найти Шан Сижую. Еще не постучав, он услышал женский голос:

— Кто шлюха, тот знает! Не веди себя, как будто ничего не случилось! Переспала со всеми зрителями, а звездой сцены так и не стала! С такой развратной внешностью ты еще и Цуй Инъин собираешься играть? Пф!

Другой женский голос вскочил и крикнул:

— Цуй Инъин не была развратной, но все равно соблазнила Чжан Шэна! А ты, с твоими губами, готовыми на все, только и можешь играть Цуй Инъин!

— Тьфу на твою мать! Ты видела, как я это делаю?

— Ты бы хотела! С такой уродливой внешностью, кто тебе вообще предложит?

Они кричали все громче, их слова становились все более непристойными, словно две проститутки ссорились в борделе. Вокруг раздавались голоса, пытающиеся их успокоить, слышались звуки рвущейся одежды, бьющейся посуды и опрокидываемых столов, плач и крики — настоящая какофония. Только голоса главы труппы, Шан Сижую, не было слышно.

Чэн Фэнтай подумал, что пришел не вовремя: Шан Сижую не нашел, зато наслушался разговоров о палках и дубинках, от которых у него даже в штанах что-то зашевелилось. Он уже собирался уйти, как кто-то сдавленным голосом крикнул:

— Шан-лаобан, скажите же что-нибудь!

Слабый голос Шан Сижую ответил:

— Я уже сказал, попросил их не ссориться, но они меня не слушают!

— Вы же глава терема Водных Облаков!

— Какая польза от главы? — спокойно сказал Шан Сижуй. — Пусть сестры сами разберутся, я вернусь позже и послушаю, что они решили. Сяо Лай! Сяо Лай! Запомни, кто что сломал,

потом вычтем из их зарплаты!

Как только он это произнес, крики не прекратились, но звуки разрушения сразу же стихли.

— Вечно ссорятся, это плохо! И говорят такие ужасные вещи! Ни одна из них не похожа на Цуй Инъин.

Ссорящиеся полностью игнорировали его безобидные слова. Шан Сижуй, бормоча себе под нос, открыл дверь и неожиданно столкнулся с Чэн Фэнтаем. Он смутился, понимая, что семейные разборки стали достоянием гласности.

— Эр-е, как вы сюда попали...

Чэн Фэнтай, сдерживая смех, спросил:

— Шан-лаобан, есть время поужинать?

Шан Сижуй, которому некуда было идти, ответил:

— Есть! Пойдемте прямо сейчас!

Сяо Лай выбежала из комнаты, взглянула на Чэн Фэнтая и плотно закрыла дверь, тихо спросив Шан Сижую:

— А если они не придут к соглашению?

Шан Сижуй ответил:

— Пусть тогда выйдут на пустырь и подерутся. Кто победит, того и слушаем. Я ухожу!

Чэн Фэнтай не смог сдержаться, расхохотался и, обняв Шан Сижую за плечи, повел его прочь, по пути весело говоря:

— Шан-лаобан, вы такой забавный!

Шан Сижуй, видимо, тоже считал себя забавным, кивнул и засмеялся:

— Как это у вас сегодня нашлось время на меня?

— В прошлый раз я порвал твой костюм, вот и решил пригласить тебя на ужин, чтобы извиниться.

Шан Сижуй махнул рукой:

— Я уже забыл об этом!

В машине Чэн Фэнтай спросил:

— Шан-лаобан, что хочешь поесть? Может, сходим в отель «Шесть наций» на ужин?

Шан Сижуй, услышав о западной кухне, немного поник, но все же кивнул. Он был таким: с близкими людьми мог шутить и подтрунивать, а с самыми близкими — выражать свои предпочтения. С Чэн Фэнтаем он пока находился на стадии шуток, поэтому соглашался на все, что бы тот ни предложил. В ресторане он тоже позволил Чэн Фэнтаю заказать блюда.

Чэн Фэнтай, наблюдая, как Шан Сижуй ловко управляет с приборами, спросил:

— Шан-лаобан, часто здесь бываешь?

Шан Сижуй ответил:

— Когда жил у командующего Цао, был здесь один раз.

Он был умным, быстро схватывал, как что использовать, стоило только один раз увидеть. Когда-то Чэн Мэйсинь пыталась поставить его в неловкое положение, но он, взглянув на других, сразу все понял. Эти маленькие приборы не могли быть сложнее сценических движений, которые он осваивал за три повторения.

Чэн Фэнтай знал, что западная кухня в доме командующего Цао была инициативой Чэн Мэйсинь, и спросил:

— Когда ты жил у командующего Цао, моя сестра тебя не обижала?

Шан Сижуй рассмеялся:

— Конечно, обижала!

Он посмотрел на Чэн Фэнтая, понимая, что, как бы хорошо они ни ладили, он все же был родным братом Чэн Мэйсинь. Как говорится, чужих не ставят выше своих, поэтому он решил не продолжать.

Чэн Фэнтай улыбнулся:

— Потерпи ее! Я в детстве тоже много от нее натерпелся, не говоря уже о тебе.

— Правда? А что она делала?

— Все игрушки были ее, все вкусное тоже ее. А когда я подрос и завел пару подруг в школе, она тут же наябедничала отцу, и он меня наказал.

Шан Сижуй тут же почувствовал себя лучше.

— Но я тоже не давал себя в обиду. Узнав об этом, я поймал живую мышь и сунул ее в ее комод. Когда она открыла ящик, мышь выпрыгнула ей прямо в лицо, и она так испугалась, что заболела лихорадкой.

Шан Сижуй рассмеялся, представляя эту сцену, и почувствовал удовлетворение.

— Это было в детстве, когда мы выросли, все изменилось.

Чэн Фэнтай подумал, что, повзрослев, Чэн Мэйсинь стала действовать более скрытно, и ее действия было трудно доказать.

— Шан-лаобан, а как ты справлялся, когда она тебя обижала?

Если бы это были два других человека, один — родной брат, другой — любовник, они бы никогда не обсуждали такие вещи. Но Чэн Фэнтай задал вопрос прямо, а Шан Сижуй был немного простодушным, и их откровенность не знала границ.

Шан Сижуй ответил:

— Я просто всегда оставался рядом с командующим, ни на шаг не отходил. Когда его не было, я прятался в своей комнате наверху, чтобы твоя сестра не нашла меня.

<http://bllate.org/book/15435/1368559>